

«РУССКАЯ ЕВРОПЕЙСКОСТЬ» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГИКИ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Л. А. Рапацкая,

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Российская Федерация, 119435

Аннотация. Анализ состояния понятийного аппарата в музыкально-педагогических исследованиях последних десятилетий явился отправной точкой развёртывания основных разделов статьи, в которой сделана попытка ответить на вековечный вопрос: «Почему Россия не Европа?» – сквозь призму достаточно нового понятия «русская европейскость» отечественной музыкальной культуры. В отличие от других гуманитарных наук, соотношение «русского» и «европейского» в исследовательском поле изучения музыки рассматривалось, как правило, вне связи с дискуссионными глобальными мировоззренческими проблемами. Методологические установки педагогики музыкального образования, закреплённые в «нормативной триаде» единения философского, общенаучного и частнонаучного подходов при изучении музыкально-педагогических процессов, открывают широкие перспективы для анализа «русской европейскости» в разных научных контекстах. Прежде всего «русская европейскость» рассмотрена как цивилизационный и культурный феномен в опоре на отечественное философское наследие. Не секрет, что географическое положение России на переломе двух миров – Европы и Азии – всегда служило основанием для «крайностей» в определении «статуса» русской цивилизации. Со времён А. С. Пушкина наша философская мысль развивалась то в упорном противостоянии концепций славянофильства и западничества, то в критике идей евразийства, то в отрицании любого «европейничания». Обращение к разнохарактерным трактовкам цивилизационного пути России продиктовано необходимостью обосновать положение: вне содержательного духовного анализа художественного наследия русской культуры, её христианских истоков и ценностных установок невозможно принять или отвергнуть явление «европейского выбора». Многие абстрагированные от художественной практики философские утверждения и выводы на тему «Россия – Запад – Восток» начинают рассыпаться на глазах при внимательном «прочтении текстов» художественных, в том числе музыкальных, произведений, рождённых в разные исторические эпохи. В статье особое внимание уделено явлению литературоцентризма как фактора развития русской профессиональной музыки в контексте культуры христианского

9

© Рапацкая Л. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

мира. Евангельское слово рассматривается как исток рождения «русской европейскости», как основание для последующего диалога отечественного музыкального искусства с музыкой христианских европейских стран, в семью которых Древняя Русь влилась в 988 году актом Крещения. В отличие от устойчивой в отечественной науке полемичности, непримиримости позиций в трактовке взаимодействия России и Европы, автор опирается на факты принадлежности отечественного музыкального искусства к христианской (православной) европейской цивилизации. Это позволяет рассматривать «русскую европейскость» как парадигму истории отечественной музыкальной культуры, которая проявляется в достаточно избирательной интерпретации творческого опыта западных соседей (жанры, формы, средства музыкальной выразительности). Этот процесс всегда был многовекторным и мировоззренчески насыщенным, отражая специфику духовного национального «взросления» отечественной культуры. «Регулятором» диалога «своего» и «чужого» является цивилизационный код русской музыкальной культуры, который влиял на формирование специфики «русской европейскости» разных видов, обоснованных в тексте статьи. Значимость цивилизационного диалога «своего» и «чужого» в истории отечественной музыки предопределила постановку вопроса об актуализации понятия «русская европейскость» в содержании музыкально-педагогического образования. В связи с этим была разработана магистерская программа «Музыкальное искусство и образование в контексте отечественной культуры», опыт освоения содержания которой представлен во втором разделе работы. В заключении сделан вывод: сегодня «русская европейскость» – это прежде всего высокая миссия отечественной музыкальной культуры, направленная на сбережение духовных даров красоты и содержательности музыкального искусства, что сложились в западной традиции со времён древности и были возвышены «в соседство Бога» не только европейскими, но и русскими композиторами.

10

Ключевые слова: педагогика музыкального образования, терминологические инновации, «русская европейскость» отечественного музыкального искусства, христианская цивилизация, цивилизационный код русской музыкальной культуры, литературоцентризм русской музыки, духовная миссия русской музыкальной культуры.

Благодарность. Статья написана в контексте проблематики авторской научной школы «Культурологическое направление в педагогике музыкального образования». Выражаю искреннюю благодарность всем членам кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования имени Э. Б. Абдуллина МПГУ за удивительную теплоту общения друг с другом, поддержку творческих идей своих коллег, помощь и взаимовыручку во всех служебных ситуациях, что и способствует моим научным поискам.

Для цитирования: Рапацкая Л. А. «Русская европейскость» как методологическая проблема педагогики музыкального образования // Музыкальное искусство и образование / Musical Art and Education. 2023. Т. 11. № 3. С. 9–25. DOI: 10.31862/2309-1428-2023-11-3-9-25.

“RUSSIAN EUROPEANNESS” AS A METHODOLOGICAL PROBLEM FOR MUSICAL EDUCATION PEDAGOGY

Lyudmila A. Rapatskaya

Moscow Pedagogical State University (MPGU),
Moscow, Russian Federation, 119435

Abstract. The analysis of the state of the conceptual apparatus in music and pedagogical research of recent decades was the starting point for the deployment of the main sections of the article, in which an attempt was made to answer the age-old question: “Why is Russia not Europe?” through the prism of a fairly new concept – “Russian Europeanness” of Russian musical culture. Unlike other humanities, the correlation of “Russian” and “European” in the research field of music studies was considered, as a rule, out of connection with debatable global ideological problems. Methodological guidelines of music education pedagogy, fixed in the “normative triad” of the unity of philosophical, general scientific and private scientific approaches in the study of musical and pedagogical processes, open up broad prospects for the analysis of “Russian Europeanness” in different scientific contexts. First of all, “Russian Europeanness” is considered as a civilizational and cultural phenomenon based on the Russian philosophical heritage. It is no secret that the geographical position of Russia at the turning point of two worlds – Europe and Asia – has always served as a basis for “extremes” in determining the “status” of Russian civilization. Since the time of A. S. Pushkin, our philosophical thought has developed in the persistent confrontation of the concepts of Slavophilism and Westernism, then in the criticism of the ideas of Eurasianism, then in the denial of any “Europeanization”. The appeal to the diverse interpretations of the civilizational path of Russia is dictated by the need to substantiate the following statement: without a meaningful spiritual analysis of the artistic heritage of Russian culture, its Christian origins and values, it is impossible to accept or reject the phenomenon of “European choice”. Many philosophical statements and conclusions abstracted from artistic practice on the topic “Russia – West – East” begin to “crumble before our eyes” with careful “reading of texts” of artistic, including musical works, born in different historical epochs. The article pays special attention to the phenomenon of literary centrism as a factor in the development of Russian professional music in the context of the culture of the Christian World. The Gospel word is considered as the source of the birth of “Russian Europeanness”, as the basis for the subsequent dialogue of Russian musical art with the music of Christian European countries, into whose family Ancient Rus joined in 988 by the act of Baptism. In contrast to the polemic and irreconcilability of positions in the interpretation of the interaction between Russia and Europe, the author relies on the facts of the belonging of the Russian musical art to the Christian (Orthodox) European civilization. This allows us to consider “Russian Europeanness” as a paradigm of the history of Russian musical culture, which manifests

itself in a rather selective interpretation of the creative experience of Western neighbors (genres, forms, means of musical expression). This process has always been multi-vector and ideologically saturated, reflecting the specifics of the spiritual national “maturation” of the national culture. Russian musical culture’s civilizational code is the “regulator” of the dialogue between “one’s own” and “someone else’s”, which influenced the formation of the specifics of “Russian Europeanness” of various types, justified in the text of the article. The significance of the civilizational dialogue between “one’s own” and “someone else’s” in the history of Russian music predetermined the question of the actualization of the concept of “Russian Europeanness” in the content of musical and pedagogical education. In this regard, the master’s program “Musical Art and education in the context of national culture” was developed, the experience of mastering the content of which is presented in the second section of the work. Russian Europeanness is, first of all, a high mission of Russian musical culture aimed at preserving the spiritual gifts of beauty and richness of musical art which have developed in the Western tradition since antiquity and were elevated “to the neighborhood of God” thanks to not only European, but also Russian composers.

Keywords: Russian music education pedagogy, terminological innovations, “Russian europeanness” of Russian musical art, Christian civilization, the civilizational code of Russian musical culture, literary centrism of Russian music, the spiritual mission of Russian musical culture.

Acknowledgement. The article is written in the context of the problems of the author’s scientific school “Cultural direction in the pedagogy of music education”. I express my sincere gratitude to all members of the Department of Methodology and Technology of Pedagogy of Music Education named after E. B. Abdullin of the Moscow Pedagogical State University for the amazing warmth of communication with each other, support for the creative ideas of their colleagues, assistance and mutual assistance in all office situations. This all contributes to my scientific research.

For citation: Rapatskaya L. A. “Russian Europeanness” as a Methodological Problem for Musical Education Pedagogy. *Muzykal’noe iskusstvo i obrazovanie = Musical Art and Education*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 9–25. DOI: 10.31862/2309-1428-2023-11-3-9-25.

Введение

Во введении речь пойдёт о пользе критики и самокритики при включении теоретических и соответствующих им терминологических инноваций в методологию педагогики музыкального образования. На первый взгляд, эта проблема мало связана с названием статьи. Однако

именно раздумья о состоянии теоретических оснований и понятийного аппарата в музыкально-педагогических исследованиях последних десятилетий явились отправной точкой развёртывания последующих её разделов. Автор не стал разрушать собственную логику постепенного рождения общего плана статьи, исток которой – повседневные противоречия педа-

гогических исследовательских будней, а общее содержание – попытка ответить на вековечный вопрос: «Почему Россия не Европа?» – сквозь призму анализа достаточно нового понятия «русская европейскость» отечественной музыкальной культуры. Поскольку введение в основную проблематику работы задумано в жанре небольшого критического эссе, заранее приношу извинение за использование хлёстких выражений, которые передают эмоциональную позицию автора по отношению к теоретическим нововведениям в педагогике музыкального образования последних десятилетий.

Бурное терминологическое развитие языка современных гуманитарных наук, характерное и для российской педагогики музыкального образования, редко становится предметом критики. С неё и начнём. На первый взгляд кажется естественным, что «великий и могучий» русский язык своим генетически данным богатством и самодостаточностью предопределил расширение сферы применения иноязычных слов, «миграцию» теорий и связанных с ними понятий из других наук, ранее находящихся вне границ музыкально-педагогического знания. А также определённую степень авторского «изобретательства» в создании словосочетаний, создающих иллюзию теоретической новизны в научном пространстве. Во многих современных диссертациях, монографиях и статьях ситуация, когда «новое» как бы заслоняет, а порой и отрицает «старое» без каких-либо доказательств, часто представляется полезной для развития исследовательской мысли и давно не смущает научно-педагогическое сообщество.

Если признать наличие указанной проблемы и беспристрастно изучить распространение «вируса инноваций» в теории и методике музыкального образова-

ния последних лет в широком культурологическом контексте, то неожиданно откроются безграничные горизонты распространения «научной болезни» нашего времени. Спору нет, «корень зла» самого явления кроется в общем расцвете постмодернистской гуманистики, распахнувшей в XX–XXI веках двери для реализации идеи «новизны ради новизны» при любых эстетически и нравственно спорных культурных инновациях, в том числе языковых. Справедливости ради отметим, что в трудах по педагогике музыкального образования пока что сохраняются контуры отечественных научных традиций. К примеру, «жесты вежливости» по отношению к создателям фундаментальных устоев музыкально-педагогической науки в диссертационных текстах обычно формально присутствуют. Однако современные молодые учёные считают вполне достаточным упомянуть в начале работы имена творцов педагогики музыкального образования разных поколений: Э. Б. Абдуллина, Б. В. Асафьева, Е. В. Николаеву, Г. П. Стулову, Б. М. Теплова, А. В. Торопову, Г. М. Цыпина – либо формально сослаться на ставшие педагогической классикой теории, включающие соответствующий понятийный аппарат. Но затем, в основном тексте исследования, авторы словно забывают о фундаментальных методологических основаниях науки во имя утверждения «новизны» своего теоретического материала или, что ещё «круче», собственной «авторской методики».

Не вдаваясь глубоко в анализ смыслов указанного явления, которое мы относим к одному из порочных посягательств на методологическую чистоту, а вернее честность научного труда (это предмет специального анализа), перейдём к главному. Методологическая насыщенность работ в сфере педагогики

музыкального образования, выпестованная советской и российской научной школой конца XX – начала XXI веков, открыла воистину необъятные перспективы для будущих исследований, главным достоянием которых являются выдвинутые великими отечественными педагогами-музыкантами идеи, теории, концепции. Но сегодня мода на «терминологический беспредел» позволяет учёным (в особенности начинающим) отказываться от глубокого изучения, а главное – развития традиционных музыкально-педагогических концепций при формальном признании их роли в становлении педагогики музыкального образования. Подобная широко распространённая практика создаёт барьер для включения в научный континуум действительно значимых для науки новых понятий и связанных с ними теорий, открывающих пути для подлинного, а не мнимого движения «к новым берегам» (крылатое выражение М. П. Мусоргского [1, с. 141]).

Ориентируясь на «методологическую классику» музыкально-педагогического исследования, разработанную в трудах Э. Б. Абдуллина [2], можно определить, что главные терминологические и, соответственно, содержательные противоречия между традиционными и новыми научными идеями в работах современных авторов возникают в музыковедческих разделах музыкально-педагогических трудов. Это закономерно, поскольку отечественное музыковедение является высокоразвитой, глубокой, сложной наукой, обращение к которой требует и наличия специальных знаний, и желания интерпретировать необходимый музыковедческий материал в содержании своего педагогического труда. Симптоматично, что сегодня даже самые яркие инновационные теории музыковедения оказываются невостребованными в педагогической науке и фактически закрыты

для включения в содержание музыкально-педагогического образования. В качестве примера назовём концепцию духовного анализа музыки выдающегося современного исследователя В. В. Медушевского, обосновавшего введённое им понятие «духовный анализ» в фундаментальном учебном пособии [3]. На наш взгляд, значимость инновационной концепции Медушевского для развития методологических основ педагогики музыкального образования неоспорима. Сам автор прямо указывал на адресатов своего труда, предназначенного преподавателям и студентам не только «музыкальных высших школ, но и педвузов, готовящих кадры для общеобразовательной школы» [Там же, с. 21]. Однако смысл духовного анализа музыки, как правило, остаётся на периферии интересов даже тех исследователей, которые посвятили свои научные работы духовно-нравственному воспитанию подрастающих поколений. Можно только надеяться, что полноценное «открытие» труда Медушевского в российской педагогике музыкального образования ещё впереди.

В свете сказанного перейду к самокритике. Сегодня любую новую музыкально-педагогическую теорию и её понятийный аппарат необходимо тщательно, системно и по возможности доступно обосновывать. Очевидно, что ориентироваться следует на интеллектуальный уровень восприятия не только высококвалифицированных профессоров, подготовленных некогда в ведущих консерваториях СССР, но и прежде всего на молодое поколение музыкантов-исследователей, черпающих дискретно сформировавшиеся знания не в учебниках (тем более не в архивах), а в интернете. Поэтому в настоящей публикации автор попытался исправить собственный научный и педагогический грех, некогда допущенный при введении терминологической инно-

вазии в учебнике «История русской музыки», предназначенном для студентов музыкальных факультетов российских вузов. Речь идёт о понятии «русская европейскость» в отечественном музыкальном искусстве [4, с. 74–75], которое не получило ни в учебнике, ни в последующих наших публикациях развёрнутого теоретического анализа. Быть может, поэтому в реалиях сегодняшнего дня словосочетание «русская европейскость» представляется нелепым «отзвуком прошлого», которому нет места ни в истории русской музыки, ни в отечественной педагогике. Автор не ставит задачу «защитить» собственную инновацию, дабы не подвергнуться встречному упреку в «терминологическом беспределе». Просто есть уверенность в необходимости доказать научную состоятельность и методологическую перспективность введения теории «русской европейскости» в содержание не только музыкознания, но и отечественной педагогики музыкального образования, стоящей на пороге коренных перемен.

**«Русская европейскость»
музыкального искусства
как научная категория
(философско-культурологический
анализ)**

Музыка христианской цивилизации
тайт в себе безграничные тенденции
вечного обновления...

В. В. Медушевский [3, с. 13]

Творящему не страшно никакое
заимствование...

И. А. Ильин [5, с. 632]

«Русская европейскость» музыкального искусства предстаёт как явление многогранное, затрагивающее все аспек-

ты истории русской цивилизации и отечественной художественной культуры: религиозные, политические, нравственные, эстетические. Подчёркнём, что в отличие от других гуманитарных наук, соотношение «русского» и «европейского» в исследовательском поле изучения музыки рассматривалось, как правило, вне связи с дискуссионными глобальными мировоззренческими проблемами. Методологические установки педагогики музыкального образования, закреплённые в трудах Э. Б. Абдуллина в «нормативной триаде» единения философского, общенаучного и частнонаучного подходов при изучении музыкально-педагогических процессов и явлений [2], открывают широкие перспективы для анализа «русской европейскости» в разных научных контекстах. Поэтому прежде всего необходимо рассмотреть понятие «русская европейскость» как цивилизационный и культурный феномен в опоре на отечественное философское наследие.

Русская цивилизация, русская православная цивилизация, евразийская цивилизация... Пожалуй, нет в философии XIX–XXI веков более спорных, вернее, постоянно оспариваемых понятий. Не секрет, что географическое положение России на переломе двух миров – Европы и Азии – всегда служило основанием для «крайностей» в определении «статуса» русской цивилизации отечественными мыслителями. Со времён А. С. Пушкина наша философская мысль развивалась то в упорном противостоянии концепций славянофильства и западничества, то в критике идей евразийства, то в отрицании любого «европейничания» (термин Н. Я. Данилевского [6, с. 198]). Приведём ряд примеров, предварительно отметив, что в русской философии предшествующих веков цивилизация и культура рассматривались как синонимы, с чем сегодня

можно согласиться вследствие недостаточности научных аргументов в пользу размежевания понятий.

Итак, история отечественной философской мысли убедительно запечатлела неоднозначное отношение к итогам многовекового культурного диалога России с Западом и Востоком, «двойственность русской души, интуитивное её стремление остаться самостоятельной, принявшей в себя два разных мира» [7, с. 7]. Последовательные «евразийцы», чьё наследие сегодня оказалось чрезвычайно востребованным (например, труды Л. Н. Гумилёва), доказывали: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. <...> Её надо противопоставить культурам Европы и Азии, как срединную, евразийскую культуру» [8, с. 585]. Непримируемую позицию по отношению к диалогу с Европой занимал Н. Я. Данилевский, отвергая любое «европейничанье» как измену формам жизни в России, как искажение исконных народных традиций [9, с. 243]. Его современный последователь А. Д. Степанов, домысливая Данилевского, пишет: «...западная цивилизация для нас должна быть равнозначна китайской или индийской» [10, с. 10].

Среди работ последних десятилетий можно выделить труд культуролога А. С. Ахиезера, запечатлевшего в трёхтомном издании «Россия: критика исторического опыта» взгляды сторонников современного либерализма на роль Европы в цивилизационном становлении русского государства. Автор указанного исследования уверен, что «Запад, с одной стороны, – это наше зеркало, в котором мы видим убожество наших условий, средств и даже целей, но, с другой стороны, – это культура, к которой мы постоян-

но обращаемся за помощью. Это мера всех вещей» [11, с. 352–353]. Сильное утверждение! Правда, не подкреплённое реальными фактами «помощи» западного либерализма развитию нашей культуры (быть может, и похвастаться особенно нечем?). Думается, что лучший ответ на подобную «критику исторического опыта» великой самобытной России дал ещё А. С. Пушкин в неотправленном письме к приверженцу европейского пути развития П. Я. Чаадаеву: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» [12, с. 50].

Краткий экскурс в содержание достаточно традиционных философских споров о глубинных смыслах исторического и культурного развития России, конечно же, не может осветить всю палитру цивилизационных проблем в отечественной науке, но явно свидетельствует о главном мотиве противоречий. Сегодня это выражается словами «европейский выбор», вектор которого на протяжении нескольких веков пытались объяснить многие российские мыслители как с позитивной, так и с негативной точек зрения.

В рамках настоящей статьи обращение к разнохарактерным трактовкам цивилизационного пути России продиктовано необходимостью обосновать положение: вне содержательного духовного анализа **художественного наследия русской культуры**, её христианских истоков и ценностных установок невозможно принять или отвергнуть явление «европейского выбора», итоги которого наиболее ярко воплотились в произведениях литературы, музыки, изобразительного искусства. Добавим, что многие абстрагированные от художественной практики философские утверждения и выводы на тему «Россия – Запад – Восток» начи-

нают «рассыпаться на глазах» при внимательном прочтении текстов художественных произведений, рождённых на разных этапах русской истории от древности до современности.

В качестве подтверждения сказанному обратимся к научным выводам одного из наиболее авторитетных исследователей русской словесности, культурологу Д. С. Лихачёву. В его книге «Поэтика древнерусской литературы» органично воссоединилась точность филологических анализов с философской глубиной трактовки цивилизационных проблем. Размышляя о древнерусском литературном наследии, Лихачёв обращает внимание на одну поразительную особенность – полное отсутствие переводов с азиатских языков и отсутствие каких-либо литературных связей с Азией (в отличие от словесности многих европейских стран). Учёный доказательно утверждает, что «говорить о положении древней русской литературы “между Востоком и Западом” совершенно невозможно. Это значит подменять географически представлениями отсутствие точных представлений по древнерусской литературе». И далее: «...ни о какой “европеизации” русской литературы XVIII века в общем плане говорить нельзя. Можно говорить о другом: о том, что европейская ориентация русской литературы переместилась с одних стран на другие» [13, с. 12]. В цитируемом фрагменте Д. С. Лихачёв использовал понятие «европейская ориентация», но главное – вывел проблему диалога отечественной словесности с литературой европейских стран на философский мировоззренческий уровень.

Возникает вопрос: влияют ли выводы учёного на методологические подходы к обоснованию «русской европейскости» в музыкальном искусстве? В связи со ска-

занным необходимо напомнить: для ранних периодов становления и развития музыкального искусства европейской христианской цивилизации характерной чертой является литературоцентризм. Под литературоцентризмом в музыковедении принято подразумевать особую значимость словесности, литературного первообраза в процессе рождения произведений музыкального искусства, его стилей, жанров, форм [14]. О роли словесности в формировании глубинных, генетически укоренённых традиций русского музыкального искусства в трудах отечественных музыковедов сказано немало. Но вечно живые строки Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово...» [15, Ин, 1,1] – предопределили следующую мысль: литературоцентризм есть основополагающий фактор развития русской профессиональной музыки как составляющей культуры христианского мира. Поэтому евангельское Слово следует рассматривать как исток рождения «русской европейскости» в отечественной музыке, как основание для последующего диалога отечественного музыкального искусства с музыкой христианских европейских стран, в семью которых Древняя Русь влилась в 988 году актом Крещения.

Обозначив духовную доминанту философско-культурологических смыслов феномена «русской европейскости», можно сделать следующие предварительные выводы.

В отличие от устойчивой в отечественной науке полемичности, непримиримости позиций в трактовке взаимодействия России и Европы, мы исходим из факта **принадлежности отечественного музыкального искусства к христианской (православной) европейской цивилизации** (при всей любви к индийской или китайской музыке и признании

органичности явления ориентализма в музыкальных произведениях русских композиторов второй половины XVIII – начала XX века [16]). Это позволяет рассматривать «русскую европейскость» как самостоятельную категорию, открывающую перспективы актуальных новых подходов трактовки истории отечественной музыки в педагогических исследованиях.

«Русская европейскость» – парадигма истории отечественной музыкальной культуры: перспективы педагогической интерпретации

Развитие «русской европейскости» не линейное историческое движение на пути постоянных заимствований из «творческой копилки» европейского музыкального искусства, тем более не «зеркало» европейских художественных течений. Европейская ориентация русской музыки, как и упомянутой выше литературы, проявляется прежде всего в достаточно избирательной интерпретации творческого опыта западных соседей (жанры, формы, средства музыкальной выразительности). Этот процесс всегда был многовекторным и мировоззренчески насыщенным, отражая специфику духовного национального «взросления» отечественной культуры из века в век.

В анализе исследуемого феномена как исторической и духовной парадигмы отечественного профессионального музыкального искусства, в характеристиках его разновидностей мы опираемся на советское историческое музыковедение, к вершинным достижениям которого относится многотомный труд «История русской музыки» [17]. Вместе с тем выдвинутые далее положения основаны на особом ракурсе видения проблемы соотношения «русского» и «европейского» в музыкальной культуре России. Речь

идёт о включении в научный контент истории отечественной музыки категории **«цивилизационный код русской музыкальной культуры»** [18].

Не повторяя опубликованный ранее материал, напомним, что указанная категория является условным обозначением духовного христианского «ядра» русской музыкальной культуры, её открытости, диалогичности и, по известному выражению Ф. М. Достоевского, «всемирной отзывчивости» [19]. Приоритет духовного мировидения на протяжении столетий способствовал становлению национальной музыкальной идентичности и сохранению традиционных православных ценностей (соборность, духовный реализм, устремлённость к евангельской красоте, взаимосвязь духовного и нравственного, патриотизм) при взаимодействии с христианскими музыкальными культурами Греции, Сербии, Болгарии, Италии, Германии, Франции и других европейских стран.

Цивилизационный код русской музыкальной культуры является своего рода «регулятором» процесса диалога «своего» и «чужого», формируя историческую парадигму «русской европейскости» разных видов, взаимосвязанных и дополняющих друг друга. Обобщая «крупным планом» огромный историко-музыкальный материал, в качестве примера можно выделить её следующие основные проявления:

- 1) «русская европейскость» как тенденция сбережения и сохранения заимствованного музыкального опыта (древнерусское богослужебное пение);
- 2) «русская европейскость» как стремительное движение к осознанной адаптации и переработке в светских и духовных произведениях заимствованных средств музыкальной выразительности (творчество М. С. Березовского, Е. И. Фо-

мина, Д. С. Бортнянского и других композиторов XVIII века);

3) «русская европейскость» как использование традиционных форм и жанров европейской музыки (опера, симфония, камерно-вокальные и камерно-инструментальные жанры) в процессе становления национальной классической композиторской школы XIX века (творчество М. И. Глинки, П. И. Чайковского и др.);

4) «русская европейскость» как попытка сознательного отторжения идеи «европейского выбора» на пути новаторских поисков национальной музыкальной самобытности (творчество М. П. Мусоргского и др.);

5) «русская европейскость» как особое явление в творчестве композиторов-иностранцев, внёсших вклад в доглинкинский этап диалога русского музыкального фольклора и европейской музыки.

Следует указать также на важные, но малоизученные проблемы «обратной связи», когда европейские композиторы опирались на достижения русского профессионального музыкального искусства. Хрестоматийный пример – влияние русской классической музыки XIX века на творчество выдающихся представителей французского импрессионизма К. Дебюсси и М. Равеля.

Устойчивое действие цивилизационного механизма диалога «своего» и «чужого» в истории отечественной музыкальной культуры предопределяет постановку вопроса об актуализации понятия «русская европейскость» в содержании музыкально-педагогического образования.

Основными предпосылками освоения теории «русской европейскости» в процессе профессиональной подготовки музыканта-педагога являются:

1) наличие магистерской учебной программы освоения отечественной музыкальной культуры с цивилизационных позиций;

2) включение в указанную программу специального курса, в котором рассматриваются проблемы «русской европейскости» как исторической парадигмы становления и развития отечественной музыкальной культуры.

Задачу актуализации теории «русской европейскости» мы пытаемся решить в магистерской программе «Музыкальное искусство и образование в контексте отечественной культуры», разработанной на кафедре методологии и технологий педагогики музыкального образования имени Э. Б. Абдуллина Московского педагогического государственного университета. Остановимся на некоторых проблемах музыковедческого характера в курсе «Русское музыкальное искусство как феномен христианской цивилизации» (процессы становления и развития педагогики музыкального образования в России рассмотрены в трудах Е. В. Николаевой [20]). Содержание курса раскрывает с позиций цивилизационного кода отечественной музыкальной культуры выделенные выше варианты соотношения «русского» и «европейского» в истории русской музыки (от полного их совпадения до ценностных мировоззренческих противоречий).

Как показали результаты освоения указанного курса студентами-магистрантами, наиболее сложными для обучающихся являются ранние виды «русской европейскости» как храмовой, так и светской музыки. Поэтому расставим «педагогические акценты», которые необходимо учитывать при освоении указанной проблематики.

Тема: «Рождение “русской европейскости” в храмовой музыке»

Известно, что становлению русского храмового певческого искусства в эпоху Древней Руси способствовала духовная установка на сбережение и сохранение заимствованного музыкального опыта при полном совпадении православных основ византийской и отечественной культур. Однако певческая практика этой исторической эпохи не должна рассматриваться как пример заимствования и подражания. Известно, что теоретические правила древнерусского богослужебного пения были установлены греческими и болгарскими вероучителями. Отношение к духовным песнопениям на раннем этапе христианизации Руси было особым, поскольку Православие воспринималось как бесценный дар, полученный от Бога. Соответственно, богослужебная практика Византии, включающая канонические традиции пения, являлась незыблемым воплощением основ веры, которую Русская православная церковь была призвана сохранять без каких-либо нововведений. Главным мерилом певческого мастерства являлось искреннее погружение в духовный смысл молитвы, поэтому, как считают музыковеды, первоначально древнерусские распевщики следовали принципу совпадения слова и звука. Процесс адаптации византийской гимнографии в древнерусском храме был постепенным и избирательным; некоторые виды и жанры греческой службы либо не вошли в церковную практику, либо существенно изменились (например, канон).

Постулат «незыблемости» греческих песнопений стал нарушаться достаточно рано, поскольку освоение византийской гимнографии было глубоко литературоцентричным. Безусловно, при создании распевов и их исполнительском интонировании сохранялась установка на смысловое погружение в богослужебный текст,

но перевод богослужебных книг с греческого на церковнославянский язык требовал внесения поправок в заимствованные греческие песнопения. Так были сделаны первые шаги на пути не только освоения, но и адаптации европейского музыкального опыта в соответствии с достаточно быстро сложившимся цивилизационным кодом русской музыкальной культуры.

Тема: «Рождение “русской европейскости” в светском музыкальном искусстве императорской России XVIII века»

Ранняя светская музыка императорской России XVIII столетия долгое время изучалась мало, благодаря чему в западном музыковедении сформировалась позиция: всё, что создано русскими музыкантами того времени, является «копией» достижений европейских авторов. Отчасти это так, но только отчасти. Сегодня очевидно, что творчество русских композиторов В. А. Пашкевича, Е. И. Фомина, Д. С. Бортнянского и др. не следует рассматривать как ограниченное в художественном плане движение к осознанному заимствованию европейской музыки. Прежде всего в эпоху Просвещения сохраняется опора на смыслы русского Слова – богослужебного или литературного мирского. В пользу концепции литературоцентризма отечественной музыки говорят факты рождения первых светских жанров, тесно связанных со словом, – камерной песни и комической оперы, стилистика которой впитала русские народные песни. Тем самым в эпоху Древней Руси, русское слово, воссоединённое с фольклором, становится носителем национального начала, выполнив миссию сохранения цивилизационного кода русской музыкальной культуры при заимствовании из Европы новых светских жанров и средств музыкальной выразительности.

Переплетение «русского» и «европейского» в культурном пространстве России XVIII века интересно своим порой парадоксальным многообразием, о котором следует говорить со студентами вследствие отсутствия необходимой учебной литературы. Достаточно обратиться к оркестровым произведениям многочисленных музыкантов-иностранцев, много лет служивших в России. Среди них были известные в Европе талантливые композиторы, которые словно предвидели ту великую роль, что сыграет фольклор в рождении русской музыкальной классики XIX века. Иностранные композиторы, несмотря на разную степень творческой одарённости, получили лучшее в те времена европейское музыкальное образование. Именно они первыми в истории музыки попытались воссоединить мелодику народных песен со средствами выразительности европейского классицизма. (Впрочем, желание угодить русскому слушателю и богатым заказчикам также были важным фактором первых опытов соединения русского фольклора и европейского инструментализма.) Чаще всего «голоса» народных песен служили тематизмом оркестровых увертюр к комическим операм. Например, Вступление к опере Мартина-и-Солера «Горе-богатырь Косометович» по либретто Екатерины II, в основу которого положены три плясовые мелодии: «Вы раздайтесь, расступитесь», «Во лесочке комарочков много уродилось», «Мне моркотно, молоденьке». Были и отдельные симфонические сочинения на русском материале. Например, написанная издателем «Музыкального журнала для дам» Э. Ванжурой «Русская симфония на украинские темы», в которой наметились некоторые приёмы развития народной песни: вариантное повторение, элементы мотивной

разработки. В сфере духовной музыки необходимо назвать уникальное творение знаменитого итальянского маэстро Д. Сартти, который, будучи на службе у графа Потёмкина, написал по его заказу в 1785 году ораторию на текст православной молитвы «Господи, воззвах к тебе». Завершая тему «русской европейскости» в музыке эпохи Просвещения, полезно вспомнить мысль М. И. Глинки, мечтавшего воссоединить узами законного брака русскую народную песню и фугу.

Заключение

Итак, процесс диалога «русского» – «европейского» отражает глубинные особенности отечественного музыкального искусства как феномена православной цивилизации. Семя византийской христианской духовности, как и великие достижения европейского светского музыкального профессионализма, привнесённые на почву молодой русской культуры, укоренялись долго, чтобы затем явить человечеству мощное древо русского классического музыкального наследия, в котором национальная идентичность воплотилась в удивительных по красоте, глубине и богатству художественных результатах развития «русской европейскости». Однако только сегодня начинают вырисовываться и складываться в обоснованную теорию методологические подходы к характеристике этого феномена, объединившего многовековые поиски истины в непротиворечивое целое.

Сказанное означает, что бытующую в современном общественном сознании проблему «европейского выбора» в педагогике музыкального образования необходимо преобразовать, рассмотрев европейский музыкальный опыт не как «инородное тело», но как плод развития

христианских ценностей и смыслов, диалог с которыми всегда был чрезвычайно важен для России. Поэтому «русская европейскость» не является «результатом культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании», как считали некоторые русские мыслители прошлого [21, с. 55]. «Всемирная отзывчивость», дарованная Богом нашему Отечеству, позволила в течение всей истории русской музыки, вплоть до распада Советского Союза, избирательно относиться к декларируемым в разные времена западным духовным и эстетическим ценностям, создавая здание национальной музыкальной культуры.

Не претендуя на полноту исследовательских результатов по поднятым в настоящей работе сверхсложным методологическим проблемам, следует сделать два кардинальных вывода. Во-первых, русская музыкальная культура являлась и является европейской, воспринимая и развивая как самые высокие христианские традиции, так и впадая в дьявольское прельщение западными модернистскими и постмодернистскими заблуждениями, характерными для современного мира.

Во-вторых, настало время признания в общественном и образовательном пространстве России доктрины великой миссии русской музыкальной культуры, целью которой – сбережение духовных даров красоты и содержательности музыкального искусства, что сложились в западной традиции со времён древности и были возвышены «в соседство Бога» не только европейскими, но и русскими композиторами.

И последнее. На прозвучавший во введении статьи сакраментальный вопрос: «Почему Россия не Европа?» – ответим так: «Россия – это христианская Европа. Она восприняла западные традиции, смыслы, ценности не буквально, а в соответствии с цивилизационным кодом русской православной культуры». И зададим встречный вопрос: «Почему Европа перестала быть Европой, стремительно теряя накопленные в веках культурные богатства в угоду массовому безумию и откровенной примитивной пошлости?» Этот вопрос, затрагивающий современное состояние «европейскости» в музыке, ждёт своего ответа в недалёком будущем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Мусоргский М. П.* Литературное наследие / сост. А. А. Орлова и М. С. Пекелис; под общ. ред. М. С. Пекелиса. М.: Музыка, 1971. 435 с.
2. *Абдуллин Э. Б.* Методология педагогики музыкального образования: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., испр. и доп. М.: Гном, 2010. 416 с.
3. *Медушевский В. В.* Духовный анализ музыки. М.: Композитор, 2014. 632 с.
4. *Рапацкая Л. А.* История русской музыки: от Древней Руси до Серебряного века. Учебник. СПб.: Планета музыки, 2015. 480 с.
5. *Ильин И. А.* За национальную Россию // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX–XX веков / сост. Н. Г. Федоровский. М.: Логос, 1997. С. 627–632.
6. *Данилевский Н. Я.* Из книги «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» // ...Из русской думы / сост., авт. портретов и текста «От сложителя» Ю. И. Селиверстов. Т. 1. М.: Роман-газета, 1995. С. 190–199.

7. *Распутин В. Г.* Эта книга названа точно – «...Из русской думы» (Предисловие) // ...Из русской думы / сост., авт. портретов и текста «От сложителя» Ю. И. Селиверстов. Т. 1. М.: Роман-газета, 1995. С. 7–8.
8. Евразийство. Опыт систематического изложения // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX–XX веков / сост. Н. Г. Федоровский. М.: Логос, 1997. С. 580–589.
9. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией: хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX–XX веков / сост. Н. Г. Федоровский. М.: Логос, 1997. С. 229–245.
10. *Степанов А. Д.* 10 принципов новой государственной идеологии России // Степанов А. Д. Почему Россия не Европа. М.: Ковчег, 2015. С. 3–39.
11. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М.: Изд-во ФО СССР, 1991. 378 с.
12. *Пушкин А. С.* Из неотправленного письма А. С. Пушкина – П. Я. Чаадаеву // ...Из русской думы / сост., авт. портретов и текста «От сложителя» Ю. И. Селиверстов. Т. 1. М.: Роман-газета, 1995. С. 50–51.
13. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
14. *Рапацкая Л. А.* Литературоцентризм как феномен профессиональной музыкальной культуры России // Человеческий капитал. 2013. № 8(56). С. 10–13.
15. Святое Евангелие. М.: Ковчег; Схолия, 2007. 608 с.
16. *Рапацкая Л. А.* Культурно-типологический анализ музыкального ориентализма в курсе «История русской музыки» // Вестник кафедры ЮНЕСКО Музыкальное искусство и образование. 2018. № 2(22). С. 76–91.
17. История русской музыки: в 10 т. / редколлегия: Ю. В. Келдыш, О. Е. Левашева, А. И. Кандинский и др. М.: Музыка, 1983–2011.
18. *Рапацкая Л. А.* Цивилизационный подход в педагогике музыкального образования: методологические основания и перспективы развития // Музыкальное искусство и образование. 2021. Т. 9. № 4. С. 9–28. DOI: 10.31862/2309-1428-2021-9-4-9-28.
19. *Достоевский Ф. М.* Пушкинская речь // Полн. собр. соч. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 129–149.
20. *Николаева Е. В.* Музыкальное образование в России: историко-теоретический и педагогический аспекты. Монография. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: Ритм, 2009. 408 с.
21. *Чаадаев П. Я.* Философическое письмо // ...Из русской думы / сост., авт. портретов и текста «От сложителя» Ю. И. Селиверстов. Т. 1. М.: Роман-газета, 1995. С. 54–58.

Поступила 22.08.2023, принята к публикации 17.09.2023.

Об авторе:

Рапацкая Людмила Александровна, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования имени Э. Б. Абдуллина Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета (МПГУ) (улица Малая Пироговская, 1, строение 1, Москва, Российская Федерация, 119435), доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор, obris-lar@inbox.ru

Автором прочитан и одобрен окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Mussorgsky M. P. *Literaturnoe nasledie* [Literary Heritage]. Comp. A. A. Orlova and M. S. Pekelis; Under the general editorship of M. S. Pekelis. Moscow: State Publishing House “Muzyka”, 1971. 435 p. (in Russian).
2. Abdullin E. B. *Metodologiya pedagogiki muzykal'nogo obrazovaniya: uchebnik dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij* [Methodology of Pedagogy of Music Education: Textbook for students of higher pedagogical studies]. Establishments. 3rd ed. Moscow: Publishing house “Gnome”, 2010. 416 p. (in Russian).
3. Medushevsky V. V. *Dukhovnyj analiz muzyki* [Spiritual Analysis of Music]. Moscow: Publishing House “Composer”, 2014. 632 p. (in Russian).
4. Rapatskaya L. A. *Istoriya russkoj muzyki: ot Drevnej Rusi do Serebryanogo veka. Uchebnik* [History of Russian Music: from Ancient Russia to the Silver Age. Textbook]. Saint Petersburg: Publishing house “Planet of music”, 2015. 480 p. (in Russian).
5. Ilyin I. A. *Za nacional'nuyu Rossiyu* [For National Russia]. *V poiskax svoego puti: Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: khrestomatiya po istorii rossijskoj obshhestvennoj mysli XIX–XX vekov* [In Search of His Way: Russia Between Europe and Asia: A Textbook on the History of Russian Public Thought of the XIX–XX Centuries]. Comp. N. G. Fedorovsky. Moscow: Publishing House “Logos”, 1997. Pp. 627–632 (in Russian).
6. Danilevsky N. Ya. *Iz knigi “Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turny'e i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu”* [From the Book “Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman”]. ...*Iz russkoj dumy* [...From the Russian Duma]. Comp., author of portraits and text “From the layman” Yu. I. Seliverstov, vol. 1. Moscow: Roman-gazeta, 1995. Pp. 190–199 (in Russian).
7. Rasputin V. G. *Eta kniga nazvana tochno – “...Iz russkoj dumy”* (Predislovie) [This Book Is Named Exactly – “...From the Russian Duma” (Preface)] ...*Iz russkoj dumy* [... From the Russian Duma]. Compiler, author of portraits and text “Ot slozhatelya” Yu. I. Seliverstov, vol. 1. Moscow: Roman-gazeta, 1995. Pp. 7–8 (in Russian).
8. Evrazijskvo. *Opyt sistematicheskogo izlozheniya* [Eurasianism. Experience of Systematic Presentation]. *V poiskax svoego puti: Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: khrestomatiya po istorii rossijskoj obshhestvennoj mysli XIX–XX vekov* [In Search of His Way: Russia between Europe and Asia: A Textbook on the History of Russian Public Thought of the XIX–XX Centuries]. Comp. N. G. Fedorovsky. Moscow: Publishing House “Logos”, 1997. Pp. 580–589 (in Russian).
9. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. *V poiskax svoego puti: Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: khrestomatiya po istorii rossijskoj obshhestvennoj mysli XIX–XX vekov* [In Search of His Way: Russia between Europe and Asia: A Textbook on the History of Russian Public Thought of the XIX–XX Centuries]. Comp. N. G. Fedorovsky. Moscow: Publishing House “Logos”, 1997. Pp. 229–245 (in Russian).
10. Stepanov A. D. *10 principov novoj gosudarstvennoj ideologii Rossii* [10 Principles of the New State Ideologies of Russia]. Stepanov A. D. *Pochemu Rossiya ne Evropa* [Why Russia Is not Europe]. Moscow: Ark Publishing House, 2015. Pp. 3–39 (in Russian).
11. Akhiezer A. S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: Criticism of Historical Experience]. Vol. 2. Moscow: Publishing House “Philosophical Society of the USSR”, 1991. 378 p. (in Russian).
12. Pushkin A. S. *Iz neotpravlennogo pis'ma A. S. Pushkina – P. Ya. Chaadaevu* [From an Unsent Letter of A. S. Pushkin to P. Ya. Chaadaev]. ...*Iz russkoj dumy* [From the Russian Duma]. Comp.,

- author of portraits and text “From the layman” Yu. I. Seliverstov, vol. 1. Moscow: Roman-gazeta, 1995. Pp. 50–51 (in Russian).
13. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Ancient Russian literature]. Moscow: Publishing House “Nauka”, 1979. 360 p. (in Russian).
 14. Rapatskaya L. A. Literaturocentrizm kak fenomen professional’noj muzykal’noj kul’tury Rossii [Literaturocentrism as a Phenomenon of Professional Musical Culture of Russia]. *Chelovecheskij kapital* [Human Capital]. 2013, no. 8(56), pp. 10–13 (in Russian).
 15. Holy Gospel. Moscow: Ark Publishing House, 2007. 608 p. (in Russian).
 16. Rapatskaya L. A. Kul’turno-tipologicheskij analiz muzykal’nogo orientalizma v kurse «Istoriya russkoj muzyki» [Cultural and Typological Analysis of Musical Orientalism in the Course “History of Russian Music”]. *Vestnik kafedry YuNESKO Muzykal’noe iskusstvo i obrazovanie = Bulletin of the UNESCO Department of Musical Art and Education*. 2018, no. 2(22), pp. 76–91 (in Russian).
 17. *Istoriya russkoj muzyki: v 10 t.* [History of Russian Music: In 10 vols.]. Editorial board: Yu. V. Keldysh, O. E. Levasheva, A. I. Kandinsky, etc. Moscow: State Publishing House “Muzyka”, 1983–2011 (in Russian).
 18. Rapatskaya L. A. Civilizacionny’j podxod v pedagogike muzykal’nogo obrazovaniya: metodologicheskie osnovaniya i perspektivy’ razvitiya // Muzykal’noe iskusstvo i obrazovanie [The Civilizational Approach in the Pedagogy of Music Education: Methodological Foundations and Development Prospects]. *Muzykal’noe iskusstvo i obrazovanie = Musical Art and Education*. 2021, vol. 9, no. 4, pp. 9–28 (in Russian). DOI: 10.31862/2309-1428-2021-9-4-9-28.
 19. Dostoevsky F. M. Pushkinskaya rech’ [Pushkin’s Speech]. *Poln. Sobr. Soch, t. 26*. [Full collection. Soch, vol. 26]. Leningrad: Publishing House “Nauka”, 1984. Pp. 129–149 (in Russian).
 20. Nikolaeva E. V. *Muzykal’noe obrazovanie v Rossii: istoriko-teoreticheskij i pedagogicheskij aspekty. Monografiya* [Musical Education in Russia: Historical, Theoretical and Pedagogical Aspects. Monograph]. 2nd ed. Moscow: Publishing House “Rhythm”, 2009. 408 p. (in Russian).
 21. Chaadaev P. Ya. Filosoficheskoe pis’mo [Philosophical Letter]. ...*Iz russkoj dumy* [...From the Russian Duma]. Comp., author of portraits and text “From the layman” Yu. I. Seliverstov, vol. 1. Moscow: Roman-gazeta, 1995. Pp. 54–58 (in Russian).

Submitted 22.08.2022; revised 17.09.2022.

About the author:

Lyudmila A. Rapatskaya, Professor at the Department of Methodology and Technology of Music Education named after E. B. Abdullin of Art Institute of Moscow Pedagogical State University (MPGU) (Malaya Pirogovskaya Street, 1/1, Moscow, Russian Federation, 119435), Doctor of Pedagogical Sciences, PhD in Arts, Professor, obris-lar@inbox.ru

The author has read and approved the final manuscript.